

Устойчивое развитие морского сегмента БЕАР (приоритеты, реалии, компромиссы)

Г. Г. Матишов¹, академик,

В. В. Денисов², доктор географических наук,

А. П. Жичкин³, кандидат географических наук,

Д. В. Моисеев⁴, кандидат географических наук,

Мурманский морской биологический институт Кольского научного центра РАН

Рассмотрены и оценены роль и вклад субъектов Баренцева Евро-Арктического сотрудничества в сфере морского природопользования в Арктике. Изложены основные факторы, способствующие эффективному международному партнерству государственных и провинциальных участников этого стратегически важного проекта. Показаны пути совершенствования сотрудничества в целях обеспечения экономической и экологической безопасности на Крайнем севере Европы и повышения уровня устойчивого развития в регионе.

Ключевые слова: Баренцево Евро-Арктическое сотрудничество, морское природопользование, экономическая и экологическая безопасность, устойчивое развитие

Поступила в редакцию 11.2.13

Введение

В январе 1993 г. в Киркенесе (Норвегия) состоялась историческая конференция министров иностранных дел Норвегии, Финляндии, Швеции, России, Дании, Исландии, представителя Комиссии европейских сообществ и наблюдателей от США, Канады, Франции, Германии, Японии, Польши и Великобритании, на которой была подписана Киркенесская декларация — основа и главный документ Совета Баренцева Евро-Арктического региона (БЕАР). В январе 2013 г. Совет БЕАР отметил свое двадцатилетие. Это вполне достаточный срок для подведения предварительных итогов, в том числе для рассмотрения достижений и выявившихся проблем. Поскольку Мурманский морской биологический институт (ММБИ) Кольского научного центра РАН стоял у истоков этого сотрудничества в сфере морской науки, специалисты института имеют собственное мнение по поводу грядущей юбилейной даты.

Идея Баренцева сотрудничества впервые была предложена тогдашним министром иностранных дел Норвегии Т. Столтенбергом. Он писал: «Во-первых, мы, норвежцы, хотим, чтобы в результате этой новой инициативы был сделан шаг от идеи односторонней безопасности и военного противостояния между Вос-

током и Западом в сторону, во-первых, восточного измерения, включив Мурманск и Архангельск в Баренцево содружество, и, во-вторых, поместить это содружество в более широкий европейский контекст. В этом смысле наше предложение является частью политики северных стран по отношению к Европе, которая связывает этот регион с развитием Восточной и Южной Европы» [4]. Свойственная БЕАР специфика организации и управления подчеркивает диалектическую взаимосвязанность двух, казалось бы, несовместимых составляющих мирового развития: регионализма и глобализма. С позиции России региональные объединения, в том числе БЕАР, создают по периметру границ нашей страны пояс добрососедства, формируют атмосферу доверия, способствуют экономическому, гуманитарному и иному взаимодействию стран и народов. Поэтому значение мирного сотрудничества и межгосударственного сближения, особенно на севере Европы, трудно переоценить. Эта проблема выступает в Киркенесской декларации в более узком, но не менее важном контексте, способствуя достижению социально-экономической стабилизации жизни населения в северо-западных регионах России. С этой целью было решено одновременно с Советом БЕАР, предназначенного для обсуждения двусторонних и многосторонних аспектов сотрудничества на уровне министров иностранных дел, образовать Региональный совет БЕАР, в который вошли главы административных образований региона, а также представители коренных народов.

¹ e-mail : matishov@mmbi.info

² e-mail: denisov@mmbi.info

³ e-mail: zhichkin@mmbi.info

⁴ e-mail: denis_moiseev@mmbi.info

Рис. 1. Высадка российско-норвежской экспедиции (ученые ММБИ и «Акваплан-нива») в губе Черной (Новая Земля). 1992 г.

Сегодня уже очевидно, что Баренц-регион пережил бурный старт. Самое главное — человеческие контакты между народами стали обычными, рутинными. Проекты, осуществляемые в рамках сотрудничества, способствовали превращению Баренц-региона из чисто географического понятия в целостную структуру, связанную экономическими, культурными, политическими, социальными факторами.

Главная цель — необходимость обеспечения безопасности — успешно достигнута, что подтвердили министры иностранных дел стран БЕАР. В частности, министр иностранных дел Норвегии в своем выступлении в январе 2005 г. отметил, что в ближайшие годы норвежскую политику по северным регионам будут определять не соображения политической безопасности, а скорее задачи, связанные с климатом, охраной окружающей среды и использованием природных ресурсов. Собственно, эти задачи всегда были на повестке всех программ БЕАР, которых к настоящему времени насчитывается шесть (последняя длилась с 2009 по 2012 гг.) и которые всегда преследовали единую цель: способствовать созданию общих рамок для Баренцева сотрудничества [19].

Основные факторы и риски функционирования Баренц-региона

В обстоятельной работе [17] выделены следующие группы факторов, способствующих международному развитию регионов: политические, которые носят субъективно-волевой характер; экономиче-

ские; географические, исторические, социально-психологические и культурные.

Схожесть климатических условий северо-запада России с самыми северными частями Скандинавии и общее природное единство Фенноскандии предполагают, казалось бы, идентичные подходы к решению проблем социально-экономического развития европейского Севера. Но после нескольких первых лет баренцевоморской кооперации все более заметны стали политические, экономические и культурные различия. Граница между Россией и северными странами Европы знаменует собой не только религиозные, но и ментальные различия, а в более общем понимании — несовпадения в мировоззренческой и даже бытовой культуре.

Самое главное в международной кооперации в рамках БЕАР — найти и использовать нужные компетенции у различных участников сотрудничества, которые будут идти на общую пользу и принесут больше добавленной стоимости к международной кооперации (программа 2009—2010 гг.), генерировать социальный и экополитический рост через движимую знаниями экономику и устойчивое природопользование ресурсов в регионе. Более того, постоянно ставится сложная стратегическая сверхцель — сделать Баренц-регион конкурентным на мировом рынке. Сегодня это возможно только на основе гармоничного развития региона, включающего хорошо выраженный баланс между экологическим (природоохранным), экономическим и социальными аспектами [19].

Достижение этой амбициозной цели, как показывает практика, очень проблематично в мире, который разделяют разные, порой диаметрально противоположные приоритеты. При всех благоприятных факторах регионального масштаба БЕАР тоже несвободен от внешних и внутренних рисков (геополитических, географических, инвестиционных и др.).

Во-первых, геополитическая трансформация в арктическом регионе не закончена. После определенного затишья 1990-х годов возросла внешнеполитическая активность стран, вызванная повышением роли Арктики в мировом ресурсном потенциале, что осознают сегодня почти все значимые игроки. Обнадёживает то, что, несмотря на разделяющие регион геополитические моменты, хозяйственно-экономические интересы объективно способствуют сближению входящих в БЕАР областей и, следовательно, государств.

Во-вторых, для северных европейских стран и Европейской России большое значение имеет региональная географическая ориентация стран — членов Совета БЕАР. Из европейских участников этого договора фактически только Норвегия имеет баренцево-морскую, т. е. арктическую ориентацию. Швеция и Финляндия в большей степени ориентированы на Балтику. Что касается огромной России, то при всем внимании к тематике БЕАР она не может отдавать ей явный приоритет.

Проблема военной безопасности, определявшая на начальной фазе реализации этого проекта его главную проблему, в дальнейшем уступила место экономическим вопросам. Здесь выявилось множество региональных сложностей:

1. Глобализация рынков за счет развитых коммуникаций увеличивает многовекторность торгово-экономических связей. Глобальные, а не региональные интересы хозяйствующих субъектов сегодня доминируют.

2. Структура производственной базы на севере России и на севере Скандинавии различна. В регионах российского Северо-Запада сохраняется преобладание доли промышленного производства в структуре валового регионального продукта (от 44 до 70%), на скандинавском Севере — от 13 до 33%. Для российского Северо-Запада характерно доминирование крупных хозяйствующих субъектов, например, в Мурманской области это Кольская горно-металлургическая компания, объединение «Апатит» и др. У северных региональных партнеров на Западе доминирует преимущественно мелкий и средний бизнес [9, 16].

3. Между членами Совета БЕАР и более южными частями стран-участниц тоже есть конкуренция, объясняемая более приемлемым климатом в южных районах, более высокой общей развитостью инфраструктуры, особенно транспортной, и т. д. Отток трудовых ресурсов, объем миграции трудоспособной

молодежи сказываются на приоритетности существующих инвестиций.

4. Хозяйственные субъекты, заинтересованные в приграничной торговле, относятся, как правило, к малому бизнесу, который развивается в этом регионе без заметных прорывов. Более того, в России проблемы малого и среднего бизнеса, т. е. основы местного предпринимательства, стоят очень остро из-за законодательных и институциональных препятствий. Например, в Мурманской области доля малого и среднего бизнеса в региональном валовом продукте составляет всего 8,2% [12]. Поэтому сегодня преобладание крупных хозяйственных субъектов хотя и норма для России и ее Европейского Севера, но она требует серьезной корректировки.

5. Отличия в демократических основах ведения бизнеса в России и Скандинавии выражены очень отчетливо. Дело здесь не только и не столько в выверенном законодательном обеспечении экономики, сколько в добровольном и сознательном стремлении западных центральных и местных органов власти договариваться по принципиальным вопросам социально-экономического развития. В России ситуация выглядит принципиально иначе. Руководствуясь конкретными обстоятельствами и решениями актуальных стратегических и тактико-оперативных задач, центральная власть сумела вывести страну из неразберихи 1990-х годов и обеспечить политическую и экономическую стабильность страны и общества. Была сформирована и укреплена «вертикаль власти», расторгнуты заключенные ранее двусторонние договоры о разграничении полномочий и предметов ведения между Центром и субъектами Федерации. В 2012 г. вопросы реального разграничения полномочий и ответственности вновь обрели актуальность, став предметом заинтересованного и подробного обсуждения на заседании расширенного Совета Федерации. Очевидно, что стремление найти оптимальный баланс во взаимоотношениях Центра и регионов отвечает насущным интересам демократического федеративного государства. Но этот процесс требует постепенности.

6. Несовершенство российского законодательства, монополизм центральных субъектов экономической деятельности, практика налоговых, таможенных и пограничных структур и коррупционные проблемы мешают продвижению экономических проектов на территории российского Севера с Запада. Инвестиционная активность зарубежных партнеров БЕАР пока невелика, отчасти потому, что в БЕАР нет органа, отвечающего за общий бюджет этого образования. Есть только координирующие органы [19, 20]. Например, Швеция в лице своих Баренц-участников провинций Вестерботтен и Норботтен имеют формальные поручения от своего Министерства иностранных дел отвечать за сотрудничество в рамках БЕАР. Финляндия имеет с Россией общую протяженную границу, поэтому проектам в рам-

Баренцево море

ках БЕАР оказывается финансовая поддержка, но только тем, в которых руководящую роль выполняют финские участники или в которых есть интерес финской стороны. Примером может служить проект по исследованию искусственной радиоактивности. Региональный Баренц-секретариат действует в городе Рованиеми на базе регионального Совета Лапландии, объединяя и координируя сотрудничество провинций Лапландия, Оулу и Кайну [18].

Российская Федерация не имеет секретариата на постоянной основе. Когда в 2007—2009 гг. Россия председательствовала в Совете БЕАР, на базе российского МИДа был открыт временный секретариат. Текущие вопросы обычно решаются областным департаментом международных связей. При этом проблема упирается в бюджет: у субъектов Российской Федерации в БЕАР нет достаточных средств для образования собственного регионального совета.

Отсутствие бюджетного Совета Баренцева Евро-Арктического региона, не столь критичное на начальном этапе, очевидно, стало препятствием на пути развития всей этой организации. Сложившаяся практика косвенного финансирования участия российской стороны в международных проектах, определяющая в итоге положение не субъекта, а объекта сотрудничества, не соответствует современному положению страны [19]. Было бы результативным

шагом после сложившейся практики и перехода к партнерской деятельности именно России предложить формирование общего бюджета организации. В настоящее время, т. е. по результатам 20-летнего юбилея, в МИД России разрабатываются предложения к новой версии Киркенесской декларации. Возможно, в этом документе нынешние политические перекосы будут устранены.

В то же время у современной России груз актуальных социально-экономических обязательств настолько масштабен и велик, что небольшой, хотя и стратегически важный БЕАР не может претендовать на приоритетную роль в реализации. Сегодня Россия перегружена актуальными проблемами: общая модернизация всей технологической и технической основы экономики, перевод ее на инновационные рельсы, пенсионная реформа, реформа и перевооружение армии и флота, необходимость развития Дальнего Востока, статусные и амбициозные проекты типа сочинской Олимпиады, казанской Универсиады, первенства мира по футболу. Эти первоочередные задачи требуют огромного финансирования.

Перемен к лучшему не будет до тех пор, пока БЕАР не перестанет рассматриваться как сырьевой придаток Европы, Азии и Америки или, что более реально в стратегической перспективе, когда потреб-

Международное сотрудничество

ность в углеводородах морской Арктики не вынудит человечество к реальному освоению арктического шельфа. К сожалению, пока Баренцев регион в силу своей специфики не стал тем приоритетом, каким северяне хотели бы его видеть. Необходимость вложения больших ресурсов для решения одних только эколого-географических проблем устойчивого развития региона замедляет сближение России и соседних стран, нередко сводя его к чисто политическому процессу и преимущественно гуманитарным проектам.

Сотрудничество Норвегии и России в рамках Баренц-региона и Договор о разграничении морских пространств

Из всех стран-участниц Норвегия как инициатор сотрудничества в БЕАР несет на себе основной груз финансовой ответственности за выполнение региональных обязательств в рамках БЕАР. Ежегодно МИД Норвегии выделяет от 20 до 27 млн крон, которые расходуются на международном уровне. Для управления деятельностью на региональном уровне существует Правление Баренц-секретариата, которое принимает решения о финансировании проектов. Основные направления сотрудничества составляют Баренц-программу. Одно из важнейших направлений среди них — проекты в рамках работы российско-норвежской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды. Рабочая программа на 2011—2012 гг. принята на 16-м заседании Смешанной комиссии в Москве 27—28 января 2011 г. В области охраны морской среды сотрудничество осуществляется в рамках российско-норвежской рабочей группы по морской среде [19].

Морской сектор в течение длительного времени оставался вне поля интересов субъектов Баренц-региона по нескольким причинам. Во-первых, человек как биологический и социальный субъект живет и действует на суше. Морская среда для него противоестественна. Во-вторых, освоение морей Арктики осуществлялось человеком гораздо медленнее, чем в более благоприятных условиях умеренных и низких широт. Практически только рыболовство в незамерзающем Баренцевом море стало для двух прибрежных арктических стран — России и Норвегии — общим источником природных ресурсов. Экономическое освоение полезных ископаемых Арктики способствовало развитию российских транспортных перевозок в Баренцево-Карском регионе (трасса Северного морского пути Мурманск — Дудинка — Мурманск). В конце XX в. к этим двум видам хозяйственной деятельности добавились разведка и подготовка к промышленному освоению запасов углеводородов. В-третьих, совместному освоению разнообразных богатых природных ресурсов Баренцева моря длительное время мешало отсутствие договора между Норвегией и СССР/Россией о разграничении морских пространств.

Главным принципом сотрудничества России и Норвегии в области рационального природопользования и охраны морской среды является сохранение неразрывности Баренцева моря как единой морской экосистемы. При этом обе стороны исходят из общих принципов устойчивого развития и экосистемного подхода. Цель совместных проектов — охрана морских регионов и поддержание их в чистоте. При этом, как подчеркивается в преамбуле к перечню проектов, участники рабочей группы должны способствовать тому, чтобы управление Баренцевым морем осуществлялось с учетом жестких экологических требований в соответствии с высокими стандартами качества окружающей среды, и основывалось на возможно более полной научно-исследовательской базе.

15 сентября 2010 г. наконец был подписан двусторонний договор. Стороны пошли на взаимные уступки: Россия фактически отказалась от декларированных прежде прав на свои полярные владения, а Норвегия уступила половину площади своих притязаний по средней линии на шельф Баренцева моря, на которые претендовала согласно Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. [6, 10].

В результате согласно новому договору, который был ратифицирован норвежским стортингом 8 февраля, а Государственной думой России 30 марта 2011 г., стороны получили легитимные права распоряжаться своими национальными экономическими зонами согласно новым линиям разграничения между государствами. Безусловно, это политический компромисс в интересах поддержания и развития двусторонних отношений. Как в каждом компромиссном решении здесь есть и плюсы, и минусы. Рассмотрим их более подробно применительно к российским реалиям.

Некоторые эксперты считают, что в результате подписания и ратификации договора может в конечном счете произойти вытеснение отечественного рыболовства из западных районов моря и из районов Шпицбергена. Все районы к западу от линии разграничения подпадают под юрисдикцию Норвегии, а в них Россия добывает от 65 до 70% своего годового вылова. В районах к востоку от нынешнего разграничения наш рыболовный флот добывает всего 35—40% вылова. В так называемой смешанной зоне, в южной ее части, Россия потеряет значительную долю репродуктивного шельфа (более 50 тыс. км²), расположенную между договорной линией разграничения и границей полярных владений России [1, 13].

Морская экология ставит серьезные ограничения на вторжение промышленности в Арктику, будь то рыбное хозяйство или шельфовая энергетика. При этом современные морские технологии — это то «оружие», которое передовые западные партнеры по БЕАР стараются наиболее эффективно использовать в морском природопользовании.

Лофотенские острова

Например, способы облова трески и пикши рыбаками России и Норвегии асимметричны [8]. Российские рыбаки берут свои уловы на 95% тралами, норвежские — 40% тралами, а остальные 60% ярусами, плавными сетями и другими пассивными орудиями лова. Между тем многие норвежские и российские специалисты в области рационального природопользования считают, что использование тралов вредит экосистеме, так как «перепахивает» морское дно, отрицательно влияя на донные организмы и биопродуктивность в целом [11]. Два года назад норвежцы объявили об эксперименте по так называемому экологическому промыслу в Баренцевом море. Лов ярусами, предпочитаемый норвежскими рыбаками, хотя и не стал пока единственно возможным, но с учетом текущих изменений в экологизации промысла этот способ изъятия рыбы станет главенствующим в норвежской исключительной экономической зоне. Что касается российской рыбопромысловой практики, то осуществить такие радикальные изменения в ней за ограниченное время экономически и технологически невозможно. Норвежцы уже успели получить экологический сертификат по требованию Морского попечительского совета на промысел трески и пикши. Это дает им существенные преимущества при продвижении продукции на европейских рынках. В Норвегии лов ярусами — семейный бизнес, он социально ориентирован, а в России перед рыболовством стоит задача приносить как можно больше

налогов стране. Поэтому различны и структуры флотов, и конечные цели рыболовства.

Согласно договору процесс окончательного перехода России и Норвегии на деятельность в новых условиях займет 10—15 лет. Этот срок является результатом компромиссных договоренностей. По мнению председателя Совета рыбопромышленников России В. Ф. Никитина, за это время наших рыбаков окончательно вытеснят из Баренцева моря. Норвежцы, которые традиционно ведут промысел в российской экономической зоне, дали понять российским партнерам по Смешанной комиссии по рыболовству, что интересов в российской экономической зоне не имеют, так как своих запасов в более западных участках Баренцева моря им будет вполне хватать [14].

Если в случае рыболовства главным фактором служат география и экология, а уже потом технология, то в случае шельфовой нефтегазодобычи это более глобальный вопрос технической и технологической готовности России осваивать новые морские месторождения. Россия пока к этому не готова. Общая стоимость инвестиций в шельфовые проекты Арктики оценивается в широком диапазоне от 500 млрд до 1,3 трлн долл. [15].

Бывший главный технологический партнер «Газпрома» норвежская «Статойлгидро» после вступления в силу летом 2011 г. Договора о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане

Рис. 2. Обсуждение российско-норвежского проекта приграничного сотрудничества «Kola-Varanger». Экологический центр Сваховда. Ноябрь 2001 г.

получила от Норвежского нефтяного директората контракты на сейсмологическую разведку в своем секторе Баренцева моря на сумму 22 млн евро, т. е. ей фактически обеспечена реальная работа на годы вперед.

7 августа 2012 г. истек срок действия акционерного соглашения, по которому норвежская «Статойл» была партнером «Газпрома», и норвежская сторона это соглашение не продлила.

Большинство аналитиков сходятся во мнении, что основной причиной прекращения партнерства между «Газпромом» и «Статойлом» стали медленный темп введения новой, более щадящей для нефтегазовых фирм налоговой политики и переоценка экономической эффективности проекта. За последние годы оценки затрат только на первую фазу выросли с 20 до 30 млрд долл., при этом радикально изменилась ситуация на рынках. США резко увеличили добычу сланцевого газа и превратились из крупного импортера в потенциального экспортера этого продукта. Летом 2012 г. Норвегия должна была провести крупнейший лицензионный раунд: на торги выставлено 86 блоков, большая часть из которых находится в Баренцевом море в непосредственной близости от российской границы, и понятно, что «Статойл» хочет сконцентрировать ресурсы в привычных политических условиях у себя дома. Таким образом, надежды на помощь норвежцев пока не оправдались. Штокмановский проект, судя по прессе, отложен на неопределенное время [2]. Эксперты считают, что России необходимо развертывать специальную государственную программу по освоению месторождений по образцу советских

программ с концентрацией национального промышленного и научного потенциала на конкретном направлении [5].

С экономической точки зрения российская арктическая политика имеет системные отрицательные последствия, так как существенно тормозит региональное экономическое и социальное развитие приарктических территорий, в большой степени зависящее от нефтегазовых мегапроектов (пример — Мурманская область) [16]. В результате хронического недофинансирования Россия вынуждена также постоянно откладывать свое участие в разработке концепции плана управления ресурсами российской части Баренцева моря с учетом опыта Норвегии (проект МОР-1). При этом норвежская сторона считает этот проект главным, приоритетным среди остальных проектов рабочей группы по морской среде [7, 19]. В 2011 г. норвежцы уже провели корректировку своего плана управления в Баренцевом море, подготовленного и одобренного стортингом еще в 2006 г., а Россия к этому плану фактически не приступала, ограничившись проведением экспедиционных работ (геолого-геофизических, гидрографических и картографических исследований) для подготовки материалов по обоснованию внешних границ Арктической зоны Российской Федерации.

Законодательные проблемы морского природопользования

Помимо проблемы общего недофинансирования работ в Арктике, в России существует еще одна проблема. В общем виде она касается вопросов разграничения полномочий между федеральным

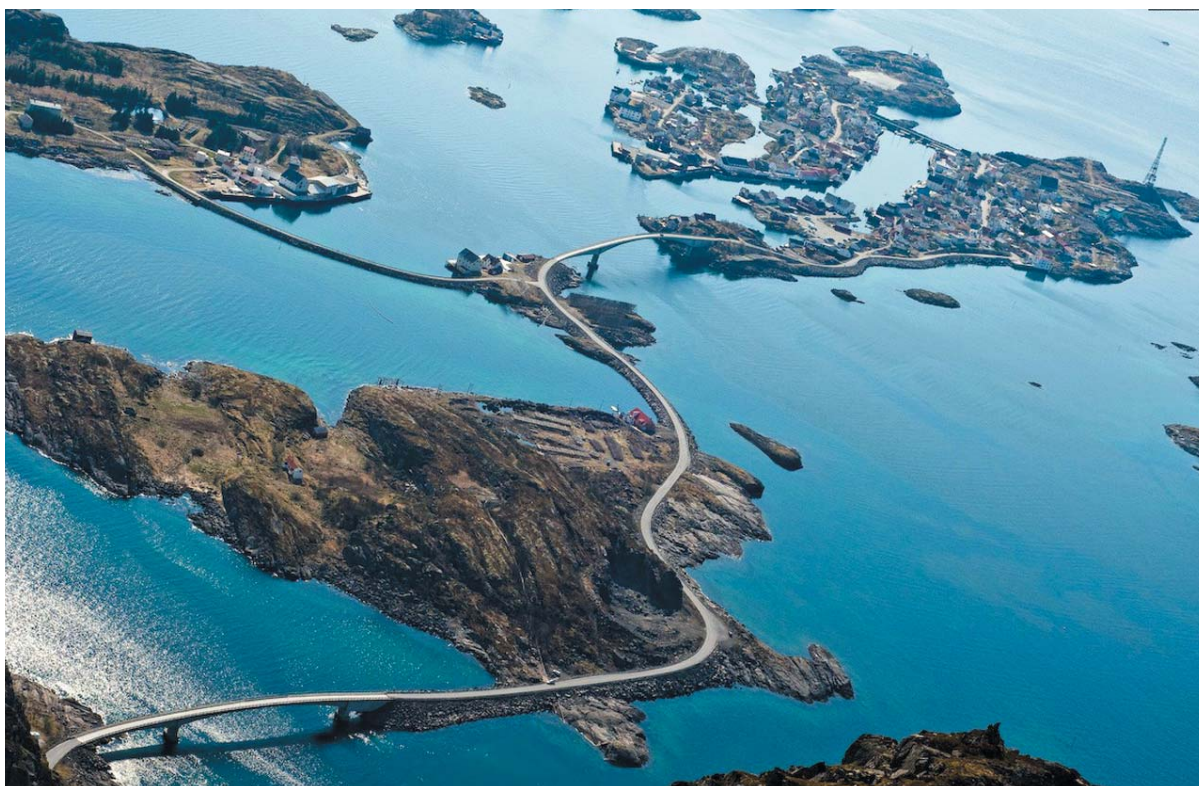
и местными правительствами в сфере морских и прибрежных ресурсов и охраны природы. Так называемый административно-географический дуализм определяет противоречия на пересечении географических, законодательных и административно-территориальных областей знания. Наиболее ярким примером такого дуализма являются прибрежные зоны, которые при современном подходе простираются в сторону моря вплоть до внешних границ исключительной экономической зоны, а на суше — вплоть до территорий, функционально связанных с морем. В России сухопутные сегменты входят в правовую компетенцию субъектов Федерации, например Мурманской области, а море — исключительно в сферу компетенции Центра. Справедливости ради отметим, что подобное разделение юридической ответственности между правительствами является типичной мировой практикой. Обычно сухопутные части прибрежной зоны находятся под юрисдикцией местных (например, муниципальных) органов власти и управления или обоих (субнациональных), в то время как прилегающие к берегу морские воды контролируются национальными правительствами.

В этой связи при решении упомянутых вопросов совместного ведения между центральными и местными органами власти приморских субъектов Федерации можно было бы конкретизировать позиции обеих сторон. Наиболее приемлемым вариантом могло бы стать совместное решение вопросов управления прибрежными зонами органами власти обоих уровней. Нестыковка этих факторов могла бы успешно разрешиться при взаимном поиске и стремлении участников «дуалистического» процесса к разрешению управленческих конфликтов по типу win-win, т. е. при обоюдном стремлении к взаимовыгодному компромиссу, как это происходит, например, в Норвегии. Но Норвегия — страна небольшая, морская по менталитету, там найти понимание между центральными и местными правительствами гораздо легче, чем в России, что подтверждается согласованными действиями по разработке плана интегрированного природопользования в зоне Баренцева моря и Лофотенских островов. В России, стране преимущественно сухопутной и огромной по территории, в вопросах проблематики БЕАР (особенно по морским вопросам) доминируют не только юридические факторы и обстоятельства, но и конкурентное соперничество министерств, ведомств и институтов разных уровней (центральных и региональных) на сравнительно узком тематическом и проблемном поле Баренц-региона.

Главная проблема — это сочетание регионализма и глобализма, в данном случае центризма. Как известно, Российской академии наук предписано выполнять функции межведомственного эксперта, в частности, в области морских исследований и охраны морской окружающей среды. К сожалению, эту роль в силу различных причин

РАН выполнять затруднительно, особенно когда речь идет об академических институтах, расположенных на периферии России. В этом случае отрицательную роль начинают играть два фактора: ведомственность и конкурентность. Первый из них определяет ведомственную принадлежность НИИ. Примером может служить Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича, который хотя и расположен в Мурманске, но уже более 40 лет имеет плодотворные связи и конкретные договоры о ведомственном рыбохозяйственном сотрудничестве с норвежским Институтом морских исследований в Бергене. Но если по вопросам приграничного сухопутного сотрудничества в рамках БЕАР институты Кольского научного центра РАН нередко все же привлекаются к двустороннему сотрудничеству в регионе, например Институт промышленной экологии Севера, то в морской экологии Мурманский морской биологический институт вынужден конкурировать с центральными ведомствами и институтами, например с Севморгео, ВНИИ природы, Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом Росгидромета, Зоологическим институтом РАН, Институтом океанологии им. П. П. Ширшова РАН, НПО «Тайфун», Центральным научно-исследовательским институтом морского флота Министерства транспорта и другими институтами различных ведомств из Москвы и С.-Петербурга. Дело в том, что Северная Европа, Евро-Арктический Баренц-регион и Арктика очень привлекательны для центральных российских институтов и различных федеральных министерств и ведомств. Особенно это стало заметно с изменением геополитического положения независимой России, когда за рубежи бывшего СССР «ушли» Черное море и Балтика, а остались Арктика и Дальний Восток. С учетом того, что европейская часть Арктики наиболее освоена (рыбные ресурсы Баренцева моря), шельф Баренцева и Карского морей очень перспективен по нефти и газу, а Дальний Восток весьма удален от Центра, европейские и частично соседние азиатские моря притягивают большое количество российских исследователей.

Со стороны норвежских и финских министерств и институтов также велика заинтересованность в сотрудничестве со столичными институтами и центральными ведомствами России. Помимо вышеотмеченной российской централизации немаловажным обстоятельством служит то, что Москва и С.-Петербург — европейские культурно-исторические мегаполисы, в которых иностранные участники различных проектов, в том числе и БЕАР, охотно реализуют свое предпочтение. Тем не менее ММБИ хорошо заметен на этом конкурентном поле. Помимо десятков публикаций в рецензируемой отечественной и зарубежной печати институт регулярно проводит важные международные конференции, представля-

Лофотенские острова

ет и публикует совместные с норвежскими и финскими учеными и специалистами статьи в рецензируемых журналах [3].

Международное сотрудничество ММБИ в БЕАР

История межгосударственного сотрудничества ММБИ с западными партнерами по БЕАР началась еще до подписания Киркенесской декларации. В сентябре 1991 г. директор ММБИ Г. Г. Матишов и представитель «Акваплан-нива» С. Фальк-Петерсен подписали первое соглашение между двумя научными организациями. Это был протокол о намерениях. А в марте 1992 г. был заключен первый официальный договор о двустороннем сотрудничестве между российскими и норвежскими морскими биологами и экологами. В нем были сформулированы главные направления совместной деятельности, которые остаются таковыми уже в течение двадцати лет. Это в первую очередь обмен учеными, организация и проведение совместных экспедиционных рейсов, выработка общих подходов к методикам в области гидробиологических исследований, построение экологических карт, исследования загрязнений в морской среде и биоте, развитие марикультуры и многое другое. Разумеется, свой отпечаток накладывали текущие двусторонние приоритеты и научно-политические акценты.

В апреле 1995 г. ММБИ заключил соглашение об академическом обмене и сотрудничестве с университетом Тромсё. Документ, подписанный руководи-

телями этих научных организаций, предусматривал обмен учеными и совместные исследования в области морской биологии, ихтиологии, морской геологии и экологии. В июле 1996 г. ММБИ и Норвежский полярный институт сочли необходимым также оформить партнерство уже не только в плане традиционного обмена учеными, но и проведения совместных исследований в таких разнообразных областях морской биологии, как изучение зоопланктона морей Западной Арктики, экотоксикологии морской биоты, биоразнообразия макрофитов и зообентоса, экологии морских птиц и морских млекопитающих.

Сходным образом формировалось региональное академическое сотрудничество России и Финляндии. В числе партнеров с финской стороны следует назвать СТУК и ныне уже не существующий Финский институт морских исследований, с которыми у ММБИ были налажены тесные научные связи.

В последние годы помимо Баренц-программы увеличилась активность международных программ типа PAME (Protection of the Arctic Marine Environment), что отражает усиливающийся интерес европейского и международного сообщества к изучению и исследованию Арктики. При этом международные исследовательские программы, как правило, носят междисциплинарный характер, стремясь в равной мере (по крайней мере, в первом приближении) охватить целый комплекс арктических проблем и конкретных вопросов. В качестве свежего примера можно привести рабочую группу Арктического совета PAME («Защита морской среды Арктики»), ко-

торая рассматривает все аспекты концепции больших морских экосистем — от биологической продуктивности до управления, причем такой сложнейший комплекс вопросов специалисты рабочей группы стремятся рассматривать на основе экосистемно-ориентированного подхода, в единстве экономики, экологии и социальных проблем.

Академик Г. Г. Матишов выступает в качестве единственного от России национального эксперта. Руне Скьелдал, руководитель группы международных экспертов от страны — сопредседателя РАМЕ Норвегии, весной 2012 г. провел с группой российских экспертов обсуждение границ больших морских экосистем в российской Арктике. Вклад экспертов ММБИ в делимитацию границ больших арктических экосистем был признан РАМЕ определяющим при рассмотрении этого вопроса на заседании группы. Таким образом, региональные аспекты экспертного мнения российских ученых можно считать весьма весомым вкладом в осуществление российской арктической политики, а эта политика неразрывно связана с глобальными аспектами политики в Арктике. Иными словами, сочетание регионализма и глобализма именно в научных исследованиях стирает имеющиеся геополитические и экономические барьеры в восприятии современной Арктики как полигона международного сотрудничества, в обсуждении и решении нелегких проблем из-за противоречивых интересов разных стран. Но то, что эти проблемы перешли из стадии конфронтации в стадию конкурентного спора на научном, а не на военном поле, делают вклад БЕАР в этот процесс заслуживающим всяческого внимания и уважения. Как справедливо и благоразумно предвидел инициатор самой идеи Т. Столтенберг, «Баренц-регион — это проект, который нужно измерять не месяцами и даже не годами. Его нужно измерять десятилетиями» [17].

Литература

1. Андреев С. Мурманские рыбаки могут потерять две трети улова трески из-за договора с Норвегией // Комсомол. правда. — 2011. — 21 марта — URL: <http://www.kp.ru/daily/25654.5/817799/>.
2. Банько Ю. Штокмановский проект: похороны отменяются? // Мурман. вестник. — 2012. — 26 сент.
3. <http://mmbi.info/publikatsii/n18/>.
4. Булатов В. Н., Шалёв А. А. Баренцев Евро-Арктический регион: История и современность. — Архангельск: Помор. ун-т, 2005. — 173 с.
5. Государственная политика освоения Арктики: налоговые льготы для шельфовых проектов и бюджетные вложения в развитие инфраструктуры (Мониторинг федеральных СМИ: 2—8 апреля 2012 года). — URL: <http://www.arctic-info.ru/>.
6. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. 15 сентября 2010 года. — URL: http://президент.рф/ref_notes/707.
7. Доклад правительства Стортингу № 8 2005—2006. Комплексное управление морской средой Баренцева моря и морских районов, прилегающих к Лофотенским островам (план управления).
8. Зиланов В. К. Баренцевоморский прорыв Лаврова-Стере — клон беринговоморского прорыва Бейкера-Шеварднадзе. 29 сентября 2010 г. — URL: http://www.nord-news.ru/main_topic/?mtopicid=117.
9. Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: сб. научных статей / Сост. С. И. Шубин (отв. ред.), А. О. Подоплёнкин, П. С. Журавлёв; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Гос. архив Арханг. обл. — Архангельск: Помор. ун-т, 2010. — 282 с.
10. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года. — URL: http://президент.рф/ref_notes/707.
11. Матишов Г. Г., Денисов В. В. Экосистемы и биоресурсы европейских морей России на рубеже XX и XXI веков. — Мурманск: ООО «МИП-999», 1999. — 124 с.
12. Отчет Губернатора о работе Правительства Мурманской области // Мурман. вестник. — 2012. — 28 июня.
13. Плотников А. Баренцевоморское разграничение: взаимовыгодный договор или уступка? 8 декабря 2010 г. — URL: http://www.nord-news.ru/main_topic/?mtopicid=159.
14. Рыбаки ждут от правительства России разъяснений работы на промысле по новым правилам, продиктованным Договором о разграничении морских пространств в Баренцевом море. 5 апреля 2011 г. — URL: http://www.nord-news.ru/murman_news/2011/04/05/?newsid=14188.
15. Семушин Д. Будущее российского шельфа в Арктике: отказ от суверенитета за доступ к технологиям добычи? — URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1558461.html>.
16. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года. — URL: http://minec.gov-murman.ru/content/strat_plan/sub02/.
17. Сыченкова Е. В. Процессы интеграции на Севере Европы. — Мурманск: МГПУ, 2006. — 192 с.
18. Finlands Strategy for the Arctic Region. — URL: <http://www.arcticgovernance.org/finlands-strategy-for-the-arctic-region-drafted.4790713-142902.html>.
19. The Barents Programme 2009—2013 / Barents Regional Council // <http://www.beac.st/?DeptID=8246>.
20. The Barents Secretariat // <http://www.BarentsInfo.org>.